

Наблюдаются изменения и в части контроля над правомерностью использования ШИС. Была изменена статья 103, теперь каждая передача данных личного характера регистрируется для проверки на законность проведения поиска, однако теперь эти данные дольше хранятся (в действии 1 января 2006 г.).

Можно сделать вывод, что изменения положений Конвенции 1990 г., регулирующие функционирование Шенгенской информационной системы отражают следующие современные аспекты:

- подготовка к принятию новых участников в Шенгенское пространство;
- внесение технических изменений, устраняющих имевшиеся проблемы в регулировании (доступ к ШИС органов, регистрирующих транспортные средства);
- отражение увеличения роли Европола и Евроюста в борьбе с преступностью, а также желание предотвратить появление и дублирование систем хранения и обмена информации в рамках этих органов;
- уточнение и более детальное регулирование сроков и оснований хранения данных в ШИС, а также порядок удаления данных по истечении таких сроков.

Приведенный выше анализ изменений действующей Конвенции 1990 г. следует рассматривать на фоне подготовки к введению *SIS-II* и разработки проекта соответствующего регламента ЕС о создании, функционировании и использовании Шенгенской информационной системы второго поколения (*SIS-II*).

ПРОБЛЕМЫ КОДИФИКАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ ЗА МЕЖДУНАРОДНО-ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЯНИЯ

Молчан И. Л., Институт государства и права НАН Беларуси

Тема ответственности государств явилась одной из первых тем, выбранных Комиссией международного права ООН для своей работы еще в 1949 г. Многие это связывают в первую очередь с тем, что нормы международного права об ответственности государств могут и должны представлять собой третью структурную опору международного правового порядка наряду с Уставом ООН и правом международных договоров, кодифицированным в Венской конвенции 1969 г.

В результате долгой и кропотливой работы Комиссия международного права разработала статьи об ответственности государств за международно-противоправные деяния, которые в 2001 г. были приняты к сведению Генеральной Ассамблеей ООН и предложены вниманию правительств, не затрагивая при этом вопроса об их будущем принятии или другой надлежащей мере. Таким образом, Генеральная Ассамблея установила для статей период «созревания», который затянулся уже на шесть лет.

Несмотря на то, что государства в целом приняли проекты статей в их нынешнем виде, существует ряд дискуссионных вопросов, по которым до сих пор и ведутся дебаты. Основным при этом является вопрос об окончательной форме проектов статей. Среди множества позиций можно выделить два противоположных направления.

С одной стороны, ряд государств (США, Великобритания, Италия, Австралия и многие др.) выступает за то, что решение о предложении вниманию правительств проектов статей, принятое Генеральной Ассамблеей в 2001 г., является достаточным и каких-либо дополнительных действий в их отношении принимать не следует. Указанные государства мотивируют это тем, что проекты статей уже доказывают свою полезность, они влетают в структуру международного права посредством практики государств, решений судов и научных работ. Дальнейшее же рассмотрение темы, в том числе и проведение дипломатической конференции, может нарушить сложившийся консенсус и привести к ослаблению их влияния.

При этом подчеркивается, что если проект статей принять в качестве обязательного для государств (например, в форме конвенции), то есть опасение, что его ратифицирует незначительное число государств. Это в свою очередь «может иметь рекодифицирующий эффект, привести к подрыву сегодняшнего статуса проектов статей и стать «хромоногой» конвенцией, значение которой будет ничтожным или практически вообще никаким».

С другой стороны, многие государства полагают, что лишь правовой документ обязательного характера может обеспечить необходимую правовую определенность, гарантировать стабильность и прозрачность действий государств в рассматриваемом вопросе. Так представитель Греции на заседании Шестого комитета в 2004 г. высказал точку зрения, согласно которой, «международная конвенция, даже если ее ратифицируют не так много стран, была бы наилучшим решением, поскольку ее авторитет со всех точек зрения неизмеримо выше, нежели у документа, не имеющего обязательной силы».

Представители Российской Федерации, Кубы, Португалии, Китая также выступают за проведение дипломатической конференции, имеющей целью принятие конвенции. По их мнению, это будет содействовать расширению участия государств в дальнейшей разработке и укреплении проекта статей, так как сам проект, рожденный в результате многолетних дискуссий и компромиссов, до сих пор еще далек от совершенства и содержит немало спорных положений, которые необходимо решать. Одними из наиболее важных при этом являются вопросы последствий нарушения обязательств по отношению к международному сообществу в целом (обязательства *erga omnes*), вопросы, связанные с применением контрмер, а также проблема отсутствия механизма разрешения споров.

В своем докладе в Шестом комитете в 2004 г. представитель Беларуси также отметил, что отдельные положения проекта статей нуждаются в более глубокой проработке. Комментируя нормы, дающие право любому

государству, иному, чем потерпевшее государство, призвать к ответственности другое государство, нарушающее свои обязательства *erga omnes*, он заявил, что «до сих пор не существовало общепризнанного перечня прав и обязательств *erga omnes*, и поэтому здесь вполне возможны нарушения». Что касается права применения контрмер, то, учитывая нынешнее неравенство между государствами, оно может усугубить злоупотребления со стороны более сильных стран. Кроме того, отсутствие механизма мирного урегулирования споров позволяет потерпевшему государству применять контрмеры (которые, в конечном счете, могут оказаться необоснованными) даже если ответственное государство не признает своей ответственности и готово вынести спор на рассмотрение международного судебного органа.

Таким образом, на сегодняшний день у государств нет единодушия как в вопросе о форме, в которую следует облачить проект статей, так и в вопросе о его содержании. По мнению автора, в данной ситуации необходимо создать рабочую группу Шестого комитета для того, чтобы обменяться мнениями по актуальным вопросам и способам их решения, и согласовать меры, которые следует принять в отношении статей, когда сложатся благоприятные для этого условия.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В КНР

Павлова Т. Я., Белорусский государственный университет

Еще в 1949 г., фактически сразу после образования КНР, в новом государстве появились первые нормативные акты, содержавшие понятие частной собственности, которые предусматривали частичные меры по охране данного вида собственности. Положения о частной собственности, содержащиеся в «Общей программе Народного Политического Консультативного Совета Китая» являлись чисто символическими. Можно говорить о том, что до начала 80-х гг. XX в. в Китае не было ни политических, ни экономических условий для развития частной собственности. Ныне действующая конституция КНР была принята в 1982 г. Первые положения об индивидуальных и частных хозяйствах появились в КНР уже после принятия Конституции 1982 г. Упоминания о такого рода хозяйствах можно встретить в «Общих положениях гражданского права КНР» (1986 г.) и в первых изменениях в Конституцию (1988 г.), тогда же в 1988 г. появилось и «Временное положение о частных предприятиях». В 1988 г. при первом пересмотре Конституции КНР говорилось, что негосударственный сектор экономики является «дополнением» к государственному сектору экономики; в 1993 году в Конституцию было впервые внесено понятие «социалистической рыночной экономики»; в 1999 г. в переработанной Конституции негосударственный сектор экономики уже трактовался как «важная составная часть социалистической рыночной экономики».